

Койген Давид. К предыстории современной философии социализма в Германии

Работа философа-неокантианца Д. Койгена вышла в Берне в 1901 г., разбору философии Штирнера посвящены с. 119 - 146.

Философия индивидуализма

Штирнер принадлежит более современности, чем истории..; он помышляет только о самонаслаждении, «эгоизме» сильной личности... только «я» —своеобразный, специфический человек, — строящее все на самом себе, в состоянии даровать полное счастье,— повторяет на различные лады аристократ-пролетарий Штирнер... Макс Штирнер предвозвестил (или, по крайней мере, хотел это сделать), с одной стороны, сам того не зная, борьбу пролетариата за эмансипацию, с другой стороны, — свободную самостоятельную деятельность индивидуальности иообще.., которая принадлежит далекому будущему...

Штирнер не знает пощады идеализму; он не может ему простить его прошлого господства и провозглашает главнейшую и сильнейшую основу идеализма — дух, мышление — величайшим тираном... Борьба должна вестись теперь главным образом, даже исключительно с «призраком», и все это во имя единичного «я».

Штирнер... объявил действительно истинным не всеобщего человека, вовсе не существующего... а индивидуального человека, самобытное «я»...

Штирнер - антипод Бруно Бауэра. Бауэр стремится сделать из «я» «человека», Штирнер, напротив, делает из человека «я». То, что для Бауэра является пределами человека, для Штирнера до известной степени представляется созданием суверенного «я»... Если Бауэр мечтал иногда о «свободном государстве», долженствующем служить «человечеству», то Штирнер находит, что не стоит труда думать о таких планах...

Единственный... походит более на зверя, которому дела нет до идеологии, каковы: государство, нравственность, уголовный кодекс и т. д., на «просто живое существо», чем на своеобразного человека... Два момента принимает во внимание Штирнер: с одной стороны, «я», освобожденное от всего чуждого индивиду, от всего не вытекающего из его своеобразия, психической или идеологической природы, с другой — эгоизм этого грубого «я». Таким образом, как кажется, совершенно отвергается факт противоречивости натуры человека и выдвигается предположение, что слабость человека, то есть чувствительность к зависимости от чего-либо, может и должна быть устранена. Провозглашается суверенно господствующая, сильная личность.

Эта теория индивидуальности в своей основе, думаю я, чисто психологическая, ибо в конечном итоге все сводится к чувствованию «я»...

Штирнер хотел освободить человечество от действия идеологии, но ему не доставало исторического смысла и ясного представления об общечеловеческих и специфически-исторических идеях, и он становится, сам того не зная, из разрушителя идеализатором идеологии. Враг *idee fixe*, он в действительности сам становится одержимым одной из них. Но в плену лишь одной такой идеи он становится самым последовательным немецким философом нашего столетия. Исполненный желанием разложить все идеальное и поставить на место якобы воображаемых интересов единичной личности действительные, нерелигиозные, как выражается Штирнер, интересы, он выражает лишь общую тенденцию к отрицанию своей эпохи, и вновь видна у него одна из сторон марксизма. Из борьбы единичных личностей за их существование, за их собственность светит уже теория классовой борьбы Маркса, с другой стороны, однако, открываются настежь двери для безудержных принципов либерализма, свободной конкуренции и т. д. Штирнер — отчасти предшественник социологического дарвинизма...

В своей сущности содержание Штирнеровской индивидуальности — эгоистическая, освобожденная от лежащих вне ее сил воля — есть идеологическая точка зрения...

Макс Штирнер был могучим предшественником нашего юного, идущего навстречу богатому будущему ренессанса.

Штирнер является прежде всего (хотя и бессознательно), выражаясь конкретно, философом люмпен-пролетариата и вообще пауперизма — тех слоев рабочей массы, которые находились в современной ему Германии на самом низком моральном и материальном уровне. Штирнер, с одной стороны, умственно вырос под впечатлением Германии так называемого первоначального накопления, с другой, однако, он обратил свой взор в далекое будущее, в социалистическую эру. Ибо социализм носит в себе, как известно, элементы «единичной личности». И эта единичная личность лишь тогда получит полное развитие, когда «эгоисты» «системы» Штирнера станут для нас столь же непонятными, как непонятна для нас теперь проповедь Толстого (о его идеализации «мужика» мы здесь не говорим). «Единственный» Штирнера и «непротивление злу» Толстого несвоевременны, и с исторической точки зрения, как и под углом зрения практики, они — недоноски. Лишь тогда, когда человек перестанет понимать, что значит эксплуатировать своего так называемого ближнего и искать и находить наслаждение в этой хозяйственно-правовой эксплуатации, — лишь тогда создастся место для безудержных потребностей «единственного»... Штирнер и

Толстой встретятся, и оба они будут дивиться пониманию социализма, сумевшего вовремя спаять в одно «эгоизм» и «братскую любовь», как этого требует научный принцип неомарксизма — эволюционизм. Все же настоящее или будущее не принадлежит капризному, метафизическому Единственному Штирнера. Но большой заслугой Штирнера останется то, что он направил наше внимание на нравственные ценности и филистерство (независимо от способа, каким это произошло), пробил путь своеобразию и что он — а это имеет специальное отношение к нашей теме — вел самую крайнюю, хотя и не особенно успешную, борьбу за реальный позитивизм.

Версия #2

Зверобой создал 7 апреля 2025 21:29:48

Зверобой обновил 10 апреля 2025 21:31:28